

Ю.Г.Куксина

СТРАДАТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

1. Целью статьи является определение места страдательных причастий настоящего времени в системе современного русского глагола. Общеизвестно, что причастия на *-мый* (они же страдательные причастия несовершенного вида или страдательные причастия настоящего времени) образуются от формы настоящего времени переходных глаголов несовершенного вида и являются средством выражения значения пассива в настоящем времени. Иногда говорят еще о "сходных внешне формах" со значением "возможности действия" [Пешковский, 1956:124-125].

Перечислю вопросы, на которые я стараюсь ответить в своей работе. Первое: как соотносится управление глагола и образование причастия на *-мый*; или, другими словами, является ли способность образовывать причастие на *-мый* свойством исключительно переходных глаголов. Если нет, то какие существуют черты сходства и отличия между получаемыми формами. Этому вопросу посвящена первая часть работы. При анализе зависимости свойств формы на *-мый* от управления глагола оказалось необходимым коснуться проблемы понятия переходности. Поскольку непосредственно проблема переходности глагола не является объектом исследования, я ограничиваюсь ее кратким обзором и обоснованием принятого в статье взгляда на переходность.

Второе: нужно было определить место среди всех форм на *-мый* тех из них, которые соотносятся с глаголом совершенного вида. Этой задаче посвящена вторая часть статьи. Там же ставится вопрос о значении причастий. Для сравнения функций всех очерченных групп причастий на *-мый* оказывается полезным пользоваться понятием "обобщенного значения". Определение этого понятия дается в третьей части, где также затрагиваются некоторые вопросы, связанные с взаимозаменяемостью и взаимовлиянием форм на *-мый* и на *-щийся*.

Третье: для работы с причастиями, особенно в той части работы, которая посвящается взаимозаменяемости, оказывается полезным пользоваться приемом перефразировки предложения. Моей задачей

было определить пределы перефразировки, то есть, в какой степени исследователь волен менять контекст, перефразируя предложения. Обнаружилось, что к замене некоторых синтаксических позиций предложение безразлично, замена же других может привести к ошибочному заключению. Были введены понятия обязательных и факультативных позиций.

В целом, проведенная работа позволяет сделать следующие выводы: при работе с причастиями необходимо учитывать "исключения", то есть, нельзя игнорировать формы, образованные с нарушением традиционного взгляда на их образование. По типу производящего глагола можно выделить несколько групп причастий на *-мый*, характеризующихся различным набором свойств "причастности" и "прилагательности", но при этом нарастание и убывание признаков происходит постепенно, что не позволяет, на мой взгляд, зачислять ту или иную группу в разряд прилагательных. Характеристики производящего глагола оказывают влияние на функциональные особенности образованного причастия. В частности, обобщенное значение причастия оказывается тесно связанным с типом производящего глагола. Взаимодействие с причастиями на *-щийся* затрагивается только в малой степени, но полученные данные позволяют предположить, что, во-первых, здесь тоже обнаруживается шкала нарастания (убывания) признака; во-вторых, взаимозаменяемость связана с обобщенным значением причастия и, косвенно, с типом производящего глагола; в-третьих, имеет место не только взаимозаменяемость в определенных позициях (что, в сущности, давно известно), но и взаимовлияние форм, исполняющих сходные функции.

Работа была выполнена на семинаре славистики Цюрихского университета. Тема исследования задана проф. Л. Дюровичем, которому я искренне признательна за многочисленные обсуждения в процессе работы. Я благодарна проф. Д. Вайсу, который прочитал первоначальный вариант статьи и сделал замечания, приведшие к существенной ее переработке.

2.0. Выше уже упоминалось о традиционном подходе, согласно которому причастия на *-мый* образуются от переходных глаголов несовершенного вида. В статье особенный интерес обращен на аномальные формы, то есть, образованные с нарушением одного из двух требований - "несовершенности" либо "переходности". Нарушения обоих требований в одной форме мне не встретилось. Рассмотрим сначала нарушение требования переходности. Для этого кратко охарактеризуем само понятие переходности, и то, как оно понимается в работе.

Дело в том, что наиболее традиционный взгляд на переходность глагола как на управление винительным падежом без предлога, в контексте данной работы неудобен, хотя использование самого термина сохраняется именно за ним. Вместе с тем, существуют признаки, которые позволяют выделять три группы причастий: нормальные, т.е. образованные от собственно переходных глаголов; затем образованные от глаголов, управляющих косвенным падежом (иногда с предлогом); и образованные от глаголов с нулевым управлением. Наблюдаются достаточно отчетливые различия между двумя последними группами, что не дает возможности пользоваться бинарным признаком разделения. Во всяком случае, традиционный бинарный признак "переходность - непереходность" не подходит. Поэтому в качестве первого возможного решения кажется более приемлемым другое понимание переходности. А.В.Исаченко [Исаченко, 1960:354-356] останавливался на соотношении переходности и способности к образованию пассива¹. Он характеризовал переходность в узком понимании этого термина (т.е. способность к управлению винительным падежом без предлога) как категорию внешнюю, отделяя ее от внутреннего отношения $V \rightarrow S$, которое единственно обязательно для значения пассива, но не всегда является трансформацией переходного глагола².

2.1. Посмотрим, что получится, если посмотреть на м-причастия с точки зрения переходности и отношения $V \rightarrow S$: имеется группа широко распространенных м-причастий, образованных от глаголов, в узком смысле непереходных (например, *командовать*, *обладать*, *располагать*, *управлять*, *пренебрегать*). В литературе, например [Янко-Триницкая, 1962:71], указывается, что исходные глаголы со временем поменяли управление, и производные от них м-причастия указывают только на то, что некогда эти глаголы были переходными. Вместе с тем, Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ) безусловно подтверждает существовавшую переходность (в узком значении слова) только для некоторых из них, например, для глагола *пренебрегать* ("Иль думаешь, что ей нас будет стыдно, что нас она теперь пренебрежет?" Жуковский, Орлеанская дева). Для глагола *командовать* ССРЛЯ отмечает переходность только в значении "произносить слова команды", а в значении "быть командиром" бывшая переходность не отмечается (ср. *Полк, командуемый* ...) Для глагола *управлять* ССРЛЯ отмечает устаревшее управление винительным падежом в значении "приводить кого-либо в порядок", тогда как Грамматический словарь русского языка (ГС) отмечает наличие страдательного причастия на *-мый* у этого глагола без оговорок. Вместе с тем, в существовании страда-

тельного причастия не приходится сомневаться, подтвердить его можно следующим примером: *"Прапорщик Шполянский, уехавший... на Печерск на мотоциклете, управляемой Шуром, не вернулся"*. (М.А. Булгаков, Белая гвардия). Для глаголов *обладать*, *располагать* переходность не отмечается вообще, тогда как существуют *обладаемый* и *располагаемый*. Для некоторых из глаголов, образующих страдательные причастия, можно установить переходность по словарям XI-XVII и XVIII веков, но не для всех, так что полностью полагаться на этот критерий не приходится.

"Отнепереходные" причастия интересны для определения общего положения м-причастий в системе частей речи русского языка именно тем, что они вплотную подошли к прилагательным. Многими лингвистами указывалось, что, по сути дела, эти причастия уже являются прилагательными [Исаченко, 1960:551-552]; [Пешковский, 1956:124]. В специальной монографии Л.П. Калакуцкой, посвященной вопросам адъективации причастий, к сожалению, вопрос об аномальных формах специально не рассматривается, а все аномальные образования предлагается считать прилагательными [Калакуцкая, 1971: 163].

Практически всеми, кто обращал внимание на нестандартные формы, отмечается сращение отнепереходных причастий с приставкой *не-* (*неизменяемый*, *несгораемый*, *неподражаемый*, *непромокаемый*, *неугасаемый*) с оговоркой, что версия без *не-* встречается значительно реже и воспринимается как вторичная. Сразу видно, что часть этих слов соотносима с глаголами, управляющими каким-либо падежом (*неподражаемый*, *следующий*, *угрожаемый* - дательный; *управляемый*, *руководимый* - творительный; *зависимый* - *независимый*, *достижимый*, *достигаемый* - родительный, при этом *зависеть* управляет падежом с предлогом). Другие же соотносятся с глаголами без управления (*обитаемый*, *сгораемый*, *непромокаемый*, *неиссякаемый*). Постепенно становится заметно, что "степень притяжения" этих слов к прилагательным неодинакова, и существуют черты, роднящие их как с прилагательными, так и с причастиями. Рассмотрим поближе характерные черты этих слов. Ориентируясь на глагольное управление, мы получили две группы: слова, соотносимые с глаголами без управления, и слова, соотносимые с глаголами, управляющими косвенными падежами с предлогом или без него. На необходимость различать эти группы указывал еще А.М. Пешковский [Пешковский, 1956:124-125], однако без подробного разбора общего и разного в поведении этих слов и "правильных" причастий на *-мый*.

Итак, ориентируясь на управление производящего глагола мы можем разделить аномальные формы на две группы:

а) (не)обитаемый, (не)сгораемый, непромокаемый, неиссякаемый, неугасаемый, несмолкаемый, (не)возгораемый, неувядаемый, немолкаемый, непререкаемый;

б) неподражаемый, следуемый, угрожаемый, (не)вменяемый, неведимый - с дательным падежом; *управляемый, командуемый* - с творительным; *(не)зависимый, (не)достижимый, (не)досягаемый* - с родительным (при этом *зависеть* требует зависимого слова с предлогом).

Стоит отметить, что в эти группы мною выбирались наиболее "прилагательные" слова, то есть такие, которые приводит ГС с пометой "прилагательное". О способе отбора уже говорилось в части 1.

Выписывались, в том случае, если указаны обе, версии с *не-* и без *не-*. Затем соответствующие глаголы были проверены по ГС и словарю Daum-Schenk на возможность существования страдательного причастия. Оказалось, что в этих случаях существование причастия (естественно, без отрицательной частицы) признается возможным, так как приведенная в словарной статье схема словоизменения содержит пассивное причастие несовершенного вида, и никаких специальных оговорок в словарной статье нет. Что же служит причиной того, что практически одинаковые слова разделяются на "причастия" и "прилагательные"? Значит ли это, что форма слова со слитным написанием частицы *не-* является уже другой частью речи, нежели однокоренное слово без *не-*? Постараемся ответить на эти вопросы и показать, что свойство аномальных причастий изменять значение в отрицательной форме до такой степени, что им отказывают в наличии глагольного компонента в значении, связано со смысловым содержанием причастия на *-мый*. Известно, см., например, [Виноградов, 1983:225], что отрицание "придает слову ярко выраженный оттенок потенциального качества", при этом важный компонент значения - процессуальность - уходит на второй план, но не исчезает совсем, о чем свидетельствует тот факт, что в большинстве случаев его можно выявить с помощью построения определенного контекста (срв. [Калакуцкая, 1971:161-162]). Самый простой способ построения такого контекста - использование "творительного деятеля" (срв. [Пешковский, 1956:125]: "...нельзя сказать \"неподражаемый кем\", \"неосязаемый кем\", поскольку мы не желаем отделить в последнем случае отрицания"). Заметим при этом, что для глаголов, обозначающих состояние, построение примеров труднее, так как в этом случае нормативно исключается присоединение "творительного деятеля" к причастиям. В других случаях можно привести, хотя и спорные, примеры (срв. [Пешковский, 1956:118], где он называет такое употребление "возможным, но неправильным"). Ниже мы рассмотрим еще один случай присоединения творительного падежа,

который не входит в тип, указанный А.М.Пешковским, и постараемся показать, что в некоторых случаях "деятель" (семантически это скорее "инструмент") входит в набор валентностей глагола, более того, наличие этой валентности является общим свойством тех глаголов, с которыми в настоящее время можно соотнести аномальные причастные формы. Кроме способности присоединять "творительный деятеля" (пока это понятие не уточняется), аномальные формы обладают и иными свойствами, роднящими их с глаголами в большей степени, чем это свойственно отглагольным прилагательным.

Одним из критериев "причастности" признается способность сочетаться с наречиями времени и качественными. Этот критерий используется, например, при исследовании отимперфектных страдательных причастий прошедшего времени [St.-Petersen, 1937:400]. Применив этот критерий к нашим словам, получим, что слова первой группы (соотносимые с глаголами, не имеющими управления) в отношении к присоединению наречия ведут себя отличным от слов второй группы образом. Мы коснемся этих особенностей ниже, в части 2.2, а сейчас заметим, что в отношении слов второй группы эта способность бесспорна, тогда как для слов из первой группы каждый случай надо рассматривать индивидуально. Обычно бывает возможно подобрать одно-два сочетающихся наречия, но требуется объяснить, чем обусловлена такая сочетаемость. А теперь рассмотрим ближе отношения между этими двумя группами, их особенности и то, что их связывает и разъединяет с нормальными причастиями на *-мый*.

2.2.1. Начнем с глаголов, образующих формы, входящие в первую группу (глаголы без управления). Таких форм обнаружилось немного, вместе с тем, при наблюдении над ними можно обнаружить, что эта группа неоднородна и может быть разделена на несколько подгрупп. Выбраны были следующие глаголы: *угасает, промокает, сгорает, увядает, смолкает, умолкает, иссякает, обитает, возгорается, пререкается*. Взяв значения глаголов в самом общем виде, получаем две подгруппы: одна со значением нахождения в потоке процесса (*обитает, пререкается*), другая - со значением начинательности процесса (все остальные). Поверхностно этому разбиению соответствует то, что две формы на *-мый* (*обитаемый* и *пререкаемый*) при перефразировке в предложение, содержащее финитную форму глагола, дают пассивную, остальные (кроме *возгорается*, который стоит в известной степени особняком) - активную конструкцию. Так как всего аномальных форм сравнительно немного, позволю себе разобрать каждую в отдельности.

Глагол *обитать*, строго говоря, трудно считать не имеющим управления, так как он имеет 2 валентности: агенса (кто) и места (где), причем последняя является в данном случае обязательной, в отличие от большинства других, близких по значению глаголов (нельзя сказать **Я обитаю*). Семантически он близок к таким глаголам, как *населять*, *обрабатывать*, имеющим синтаксически прямой объект. Некогда этот глагол мог иметь прямое дополнение, см. ССРЛЯ *"Я обитаю славный город Надендаля, принадлежавший доселе трекоронному гербу"*. (Батюшков, Письмо А.Н.Оленину, 24 марта 1809). Возможно, поверхностное оформление ролей изменилось под влиянием таких более абстрактных глаголов, как *жить* и *находиться*, но глубинное осталось, что отражается в пассивной причастной трансформации. Чаще всего пассивной трансформации подвергается безличное употребление глагола: *я обитаю в этом районе* но: *обитаемый район действия* ← *район действия, в котором обитают*.

Второй глагол - *пререкаться* - обыкновенно трактуется как взаимно-возвратный, требуя, соответственно, две семантические валентности, каждая из которых является сложной по своему ролевому составу. Обратим внимание на то, что в сочетаниях (*не*)*пререкаемый авторитет*, *аргумент* и пр. одна из валентностей заполняется неодушевленным предметом, превращаясь таким образом из комплексной ("субъект/объект") в объект воздействия. К этому можно добавить указание СРЯ XVIII на существование переходного глагола *пререкать* (Срв. *ругать* - *ругаться* - *ругаемый*, где сохранились все наборы ролей и трансформации). Обратив внимание на сочетание с наречиями, можно заметить, что эти сочетания вполне возможны: *абсолютно не пререкаемый тон*, *в течение многих лет не пререкаемый авторитет*.

Оставшиеся глаголы с точки зрения их значений разделяются на две группы: "начинать не-быть" (*угасать*, *сгорать*, *увядать*, *смокать*, *умолкать*, *иссыкать*) и "начинать быть (в каком-то качестве)" (*промокать* и *возгораться*). В этом случае тоже существует грамматическое свойство, соответствующее такому разделению: только последние два глагола образуют регулярно употребляемые без *не-* формы на *-мый*.

Общая семантическая структура глаголов *возгораться* и *промокать* выражает скорее пассивное отношение воздействия на предмет, являющийся синтаксическим субъектом высказывания ("кто-то производит действие и X начинает обладать свойством"). Что касается глагола *возгораться*, то здесь случай осложняется наличием аффикса *-ся*. Но если предположить, что в данном случае функция *-ся* - дать поверхностное оформление объекта и тем самым провести необходимое поверхностное разделение ролей, то такое распределение не

будет противоречить образованию пассивной формы (что подтверждается историческими данными: ССРЛЯ дает со ссылкой на Словарь Академии Российской 1847 переходный глагол *возгорать*; СРЯ XVIII приводит страдательное причастие *возгораемый*, к сожалению, без примера). Таким образом, пассивная форма без изменения ролей объясняется пассивным отношением, заложенным в семантике самого глагола. Сходным свойством обладает и глагол *промокать* (с семантической структурой "кто-то мочит X и X начинает быть мокрым"). С другой стороны, активное поверхностное оформление глагола делает возможной почти синонимическую (но не полностью!) замену формы на *-мый* формой на *-щий* (*-щийся* у возвратного глагола).

Что же касается оставшихся глаголов, образующих анализируемые аномальные формы, то возможно, их общая семантическая структура (предикат + свойство) в какой-то степени объясняет образование форм на *-мый*, хотя в данном случае эти формы, как кажется, пассивного значения не имеют. Значение, приближающееся к "(не)возможности" может быть обусловлено их общей семантикой. Отрицание, навешенное на предикат, придает положительное значение всей общей структуре: "не начинать не-быть" → "быть" (особо нужно отметить стативность полученного значения). Отсюда их почти исключительное употребление в отрицательной форме.

Формы этого, "отнепереходного", типа заменяются формами на *-щий* (при невозможности синонимичной замены на *-щийся*, за исключением двух глаголов, имеющих форму возвратных). Сопоставив их, получим:

Неиссякаемый источник

Неиссякающий источник

Неумолкаемый шум

Неумолкающий шум и т.д.,

как противопоставление признаков "не актив" - "актив" и "статика"-процесс". Обращает на себя внимание способность сочетаться с разными наречиями:

"..."

*В течение многих лет не
иссякающий...*

"..."/?

Никогда не иссякающий...

Абсолютно неиссякаемый...

"..."/?

т.е., для форм из первой группы ("не актив" + "статика") характерно сочетание с наречиями образа действия, для форм из второй ("актив" + "процесс") - с наречиями времени. Вместе с тем, их сходство достаточно велико, что приводит к взаимозаменяемости в текстах и стиранию разницы в сочетаемости.

2.2.2. Рассмотрим теперь группу форм на *-мый*, соотносимых с несобственно переходными глаголами. Эти глаголы были отобраны

указанным выше способом, но список является открытым, т.к. в этом случае, скорее, чем в случае с собственно непереходными глаголами, возможно окказиональное формообразование. Это означает, что бывают и другие глаголы, в строгом смысле являющиеся непереходными, которые образуют формы на *-мый*, например, Л.Л.Иомдин, [Иомдин, 1988:25] приводит целый ряд таких глаголов; но эти формы не попали в ГС на правах самостоятельно употребляющихся (как было сказано выше, выбирались наиболее "прилагательные" формы) и поэтому мы их сейчас разбирать не будем.

Эти формы, подобно предыдущим, с большим трудом и далеко не во всех случаях допускают использование при них "творительного субъекта". А.М.Пешковский [Пешковский, 1956:118] констатирует употребление "творительного субъекта" с причастиями (*завидуемый кем, подражаемый кем*), хотя и называет такое употребление "индивидуальными неправильностями". Отмечается также, что способность образовывать пассивную форму опирается на более древнее употребление глагола ([Пешковский, 1956:118], [Янко-Триницкая, 1962:71-78]). Как видно из приведенных ниже примеров, лишь в некоторых случаях даже по историческим словарям удастся установить смену управления. С моей точки зрения, существуют другие причины для возникновения аномальных причастных форм. Например, "творительный инструмент". "Инструмент" входит в число валентностей исходных глаголов - это их общая черта. Заполнение этой валентности остается при пассивном преобразовании неизменным.

Как и в предыдущий раз, можно разделить все формы на несколько подгрупп. Подгруппы выделялись по числу и качеству валентностей, но это не значит, что входящие в них глаголы абсолютно одинаковы.

2.2.2.1. *Следовать, вредить, подражать, завидовать.*

Следовать. кто/что, кому/чему, в чем (чем).

Иногда делается замечание о том, что этот глагол осуществляет пассивную трансформацию без перемены ролей [Адамец, 1973:15-16]. Разобрав его набор валентностей, можно прийти к выводу, что это не совсем так. Глагол имеет 3 валентности, назовем их пока "бенефициант", "(А/О)" и "причина". Оказывается исключительно важным их заполнение (одушевленность или неодушевленность существительного, срв. глагол *пререкать(ся)* из раздела 2.2.1). Кроме того, "причина" и "бенефициант" могут сливаться и расщепляться, тогда мы получаем, соответственно: *Он следует машинным поступкам* (рас-

щепление валентностей) → *Он следует Маше (за ее поступки)* (слияние).

Когда синтаксическая валентность бенефицианта заполнена неодушевленным существительным, а сложная валентность (А/О) - одушевленным, выбирается роль А, и мы получаем активный глагол и возможную, но редкую, трансформацию *следуемый поступок*.

Когда синтаксическая валентность (А/О) заполнена неодушевленным существительным: *Награда следует Маше за ее поступки*, выбирается роль объекта и осуществляется трансформация *следуемая (Маше) награда*.

Когда синтаксические валентности заполнены "не своими" существительными, возникают неясности. Так, фразу *Он следует поступкам* нужно дополнить одушевленным бенефициантом, а фраза *Жених следует Маше (за ее поступки)* двусмысленна. Возможно, этот глагол даже следует отделить в отдельную группу из-за таких его особенностей, как отсутствие у причастия значения "возможности" и неприсоединение к причастию *не-*.

Вредить. кто/что, кому/чему, в чем (чем).

Неодушевленный бенефициант получает значение объекта и получается *вредимая работа*. В настоящее время не употребляется, но подобное страдательное причастие приводится историческим словарем (СРЯ XVIII фиксирует страдательное причастие на *-мый* без примера, приводя пример только на переходность глагола: *Иной человек через пьянство вредит свое здоровье* (Коз ФП 191; СРЯ XVIII)). Одушевленность деятеля здесь не важна, т.к., вероятно, исходя из семантики глагола, он мыслится всегда как активный, производящий действие. Важно заметить, что у причастия этого глагола тоже отсутствует значение "возможности". Это может быть связано с такой спецификой его значения (только действие). Другие черты: синонимичен причастию прошедшего времени *неповрежденный* (противопоставление по завершенности действия). Не заменяется причастием на *-щий / -щийся*. Значение этой формы, безусловно, включает элемент страдательности, более сильный в положительном варианте, в отрицательном "страдательность" ощущается намного слабее.

Подражать. кто, кому/чему, в чем (чем).

Сын подражает отцу в игре своей манерой. Сын подражает отцу в манере игры. Сын подражает отцу игрой и т.д. Сложная роль бенефицианта, т.к. здесь рассматривается расчленяемый объект, при этом практически любая из частей может участвовать в пассивной транс-

формации, переходя в субъект пассива (возможно *подражаемая манера, подражаемая игра, подражаемый поступок...*, но невозможно *подражаемый отец*, а только *неподражаемый...*). При этом остальные роли могут не изменяться и приобретают характер уточнения. При форме *подражаемый* почти всегда присутствует такая детализация (м.б., она имеет характер "образа действия"), а при употреблении с *не* она не нужна и даже противопоказана.

Завидовать. кто, кому, в чем (чем)

Петя завидует Маше в ее успехах (всем нутром). Петя завидует машинным успехам. В списке валентностей данного глагола валентность инструмента кажется необязательной. Разница в обязательности, возможно, вызвана общей семантикой глагола (*завидовать* выражает состояние, *подражать* - действие. Для совершения действия инструмент необходим, а для испытывания состояния - нет. В данном случае "инструментал" сближается, между прочим, с тем самым обстоятельством "образа действия": *всем нутром, черной завистью, грешным делом...*). В остальном то же расщепление бенефицианта, что и в глаголе *подражать*³. *Завидуемый* - тоже может уточняться. Свободное употребление с наречиями связано с валентностью "чем": *черной завистью, отчаянно, невыразимо* и пр. (Заметим, что все же с глаголом обстоятельства употребляются свободно, а с причастием - с ограничениями. Можно свободно сказать *он невыразимо завидует своему соседу*, но нельзя **(?)невыразимо завидуемый сосед*. Впрочем *отчаянно завидуемый* существует.)

Общее для данной группы - набор валентностей. Подчеркнем валентность "инструмента", заполнение которой колеблется от "инструмента" до "образа действия" в зависимости от смысла глагола. Везде имеется валентность с семантической ролью "бенефицианта", поверхностно оформленная дательным падежом, но в пассивной трансформации участвующая согласно своей семантике. Общим для данной группы также является невозможность замещения причастия на *-мый* причастием на *-щийся*, но зато причастие на *-мый* свободно замещается на страдательное причастие прошедшего времени совершенного вида (*-ный*).

Расщепление роли "бенефицианта" ведет к большей или меньшей детализации, соответственно, меняет значение причастия, передвигая его по "шкале" в сторону "пассивности" или "возможности". Бóльшая детализация сдвигает значение в сторону пассива.

2.2.2.2. *Досега́ть - ча́ять - требова́ть - дости́гать - жела́ть*
 чего/что (чем) ("инструмент" возможен, но не обязателен)

У части этих глаголов возможно параллельное управление (*жела́ть, требова́ть*). У других - устаревшая или просторечная переходность (*ча́ять*). У некоторых - устаревшая, но сохранившаяся в некоторых значениях (*дости́гать, досега́ть*). При пассивной трансформации происходит смена ролей, аналогичная "нормальной", происходящей у переходных глаголов. Замена на *-щийся* возможна не всегда (*дости́гающийся, требу́ющийся* вполне возможны, тогда как *?жела́ющийся* кажется невозможным). Снова появляется противопоставление "процесс" - "состояние". Чем ближе к "процессу", тем возможнее *-ся*. Сочетание с наречиями остается таким же, как и у исходного глагола: *страстно жела́ть - страстно жела́емый, неуклонно требова́ть - неуклонно требу́емый*.

2.2.2.3.	командова́ть	} возможность бывшего управления вин. пад. не установлена
	управля́ть руководи́ть	
	пренебрега́ть кто, чем(что), чем(с помощью чего).	
		} в ССРЛЯ отмечается устаревшая переходность

Переходность отмечается либо для части значений, либо исторически. Глаголы этой группы участвуют в страдательной трансформации с характерной сменой ролей. Сочетание с наречием у причастий этой группы допустимо (*вполне управля́емый, преступно пренебрега́емый, успешно руководи́мый* и пр.). Употребление с *не-* (с соответствующим сдвигом в сторону "возможности") у форм на *-мый*, соотносимых с глаголами этой группы, встречается только у *(не)управля́емый*. В остальных случаях наиболее употребимым является значение пассива.

2.2.2.4. *Зависе́ть*. кто, от кого, в чем

Он зависи́т от отца в своих решениях. Решения, зависи́мые от отца. Валентность "пациенса" может расщепляться (*он и его решения*), делая возможными две пассивные трансформации: *зависи́мый челове́к и зависи́мые решения*. Глагол обозначает состояние субъекта, и в данном случае грамматический субъект является скорее семантическим

объектом, что объясняет отсутствие смены ролей при трансформации пассива. Сочетание с обстоятельствами: *фатально зависимые, с неизбежностью зависимые (от X) решения*. Похожее расщепление и поведение ролей при трансформировании встречается у глагола *следовать*, но там список ролей сложнее и не столь ясно видимая закономерность.

2.2.2.5. Вменять. кто, что, кому, во что

Он *вменяет* сыну этот поступок в заслугу. Пассив: *вменяемый им сыну в заслугу поступок*. Довольно сложный глагол (кажется возможным сюда же отнести *вменяемый поступок* и *вменяемый человек*, но в принципе семантический анализ глаголов в задачу работы входит только в узко определенных рамках). Словарь СРЯ XVIII отмечает страдательное причастие: "Должность ея показывать на Театрѣ пороки и недостатки не вмѣняемые, но точныи..." (Трд. СП II 194)

2.2.2.6. Угрожать. кто, кому/чему, чем

Кредиторы угрожают ему тюрьмой. Ушаков: *Создать угрожающее/мое положение с провиантом*. Отмечается как просторечное употребление и неправильный аналог причастия *угрожающий*. Однако вполне можно объяснить при помощи следующей конструкции: *[Они] угрожают положению [ситуацией с провиантом]*. ССРЛЯ приводит пример безусловно страдательного употребления: *...по скрытым рвам ходили машины, они могли быстро перебрасываться с любого участка на угрожаемое направление* (Вс. Вишневский, Идет победа). Первое употребление может объясняться поверхностно-синтаксическими характеристиками (отсутствие формального признака переходности), второе - семантикой глагола.

Исходя из сказанного, кажутся важными и общими для всех приведенных глаголов следующие причины возникновения аномальных форм.

1. Набор валентностей. Имеется в виду обязательная валентность "бенефицианта", т.е. объекта, который что-то получает, однако не обязательно к своей пользе. Термин не кажется особенно удачным, но оставлен за неимением лучшего. Поверхностно-синтаксически в силу разных причин оформлена не винительным падежом, хотя винительный остается часто в виде диалектного или устаревшего употребления.

2. Зависимость от заполнения валентности агенса или бенефицианта одушевленными или неодушевленными именами. Срв. *следовать, вредить* и пр.

3. Сдвиг значения формы на *-мый* в область "возможности" либо "страдательности" в зависимости от сочетания с разными наречиями. Необходимо помнить, что в данном случае подбор наречий является именно подбором, т.к. каждый случай лексически индивидуален и нельзя (к сожалению) просто ограничиться замечанием "допускается сочетание с обстоятельством "образа действия", а надо приводить конкретный пример, потому что сочетание с другим обстоятельством из этого же ряда может оказаться недопустимым, неупотребляемым или сомнительным.

4. В каждом из этих глаголов имеется обязательная или факультативная валентность "инструмента", заполнение которой варьируется от "образа действия" (м.б., отсюда способность к сочетанию с наречиями) до почти "творительного субъекта", который создает эффект пассива.

3.0. Большую группу среди аномальных форм составляют те из них, которые можно соотносить с глаголами СВ. Именно их наиболее часто относят к прилагательным. Такое решение мотивируется общим для этих форм значением "возможности" совершения действия и отсутствием значения пассива. Примеры слов этого типа: *применимый, употребимый, допустимый, повторимый, вычислимый, сократимый*. К ним примыкают слова, соотносимые с двувидовыми глаголами *ранимый, казнимый, трансформируемый, символизируемый* (вообще глаголы на *-овать* однотипно образуют причастие на *-мый* и в большинстве случаев являются двувидовыми, см. ГС). Более близкое изучение форм этого типа заставляет задуматься над такими вопросами: во-первых, чем объясняется такое общее для них всех значение "возможности" (может быть, оно имеет больше общего с глагольным значением, чем кажется). Во-вторых, интересно сравнить аномальные формы на *-мый* этого типа с теми, которые образованы от двувидовых глаголов. Двувидовые глаголы мне кажутся здесь полезными вот почему: 1. Никто не сомневается, что образованные от них формы на *-мый* являются причастиями исследуемого типа. 2. Более того, именно двувидовые глаголы являются наиболее регулярными их поставщиками. 3. Существует точка зрения, что двувидовые глаголы являются безразличными к виду и приобретают его только в контексте. Распространяется ли это свойство на образованные от них формы глагола? 4. Какими (или каким) обобщенным значением обладают формы на *-мый* от

двувидовых глаголов, может быть, они тоже приобретают "вид" (или характерное обобщенное значение) в зависимости от контекста? 5. А если так, то можно считать эти формы связующим звеном между нормальными и аномальными (соотносимыми с глаголами СВ) формами, потому что вряд ли правомерно в одном узком случае говорить об омонимии и существовании параллельных (и регулярно образуемых при этом!) страдательного причастия и отглагольного прилагательного.

3.1. Начнем с форм, образованных от глаголов только совершенного вида. Это позволит выделить их характерные свойства, которые потом понадобятся при обращении к "двувидовым" причастиям. Сначала кратко охарактеризуем интересующие нас формы, отметив те их свойства, которые становятся заметны сразу при более близком наблюдении. Они входят в квазипары по виду: *употребимый - употребляемый, допустимый - допускаемый, сократимый - сокращаемый* и т.д. Их способность сочетаться с наречиями ограничена, но ее нельзя исключить полностью. Как уже говорилось выше об отглагольных глаголах, способность к сочетанию с наречиями здесь можно считать перешедшей на уровень лексики. То есть, если глагол и "нормальное" отглагольное причастие допускают определенное сочетание, то оно не обязательно допустимо с парным аномальным причастием. Такое изменение в сочетаемости нельзя упускать из виду. Подобные слова обнаруживают тенденцию к слиянию с предваряющими их словами, которые определяют качество производимого действия (срв. упомянутое выше свойство аномальных форм первого типа: сочетаться с наречиями качества действия). Заметная разница здесь только в том, что в данном случае отчетливо заметна тенденция к слитному написанию, но возможны и сочетания иного типа, не слитные, ср. *Ее поражало, как в передней обыкновенной московской квартиры может поместиться эта необыкновенная, невидимая, но хорошо ощущаемая бесконечная лестница.- Авторитет Арчибалда Арчибалдовича был вещью серьезно ощутимой в ресторане, которым он заведовал.* (М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Очень распространено слияние отперфективных причастий с частицей *не-*, достигающее такого уровня, что во многих работах, посвященных страдательным причастиям, они приводятся исключительно в такой форме, а А.М. Пешковский отмечал, что формы без *не-* воспринимаются как странные и "редкий и интересный случай!" - как производные от отрицательной формы [Пешковский, 1956:124]. Вопросу слитного или раздельного написания *не-* посвящена достаточно обширная литература (см. [Калакуцкая, 1971:155-162] и библиографию к

этой главе). В основном, тут можно сказать то же самое, что уже было сказано в части 2 об аномальных по переходности формах. Принцип большей формальной и логической простоты решения предполагает кажущуюся производность. Не стоит предполагать два различных словообразовательных пути для одинаковых форм. Более частое употребление именно в отрицательной форме связано с трансформацией значения и все большего сдвига в сторону адъективизации. В силу каких-то причин (в дальнейшем мы рассмотрим некоторые из них) значение отперфективных причастий сильно сдвинулось в сторону значения "возможности совершения действия". Несколько ниже мы вернемся к проблеме значения страдательных причастий и покажем, что, пусть и в неявном виде, но "страдательность" присуща и отперфективным причастиям.

Итак, уже по способности к употреблению с наречиями, отперфективные причастия обнаруживают большую "глагольность", чем отглагольные прилагательные. Как доказательство большей "глагольности" может рассматриваться и тот факт, что мы в состоянии построить видовую квазипару типа *выполнимый - выполняемый, употребимый - употребляемый* и т.п., "несовершенный" член которой обыкновенно не вызывает сомнения в отнесении его к причастиям. Что касается "творительного субъекта", способность сочетаться с которым считается главным показателем причастного характера формы, то, конечно, невозможны конструкции типа **выполнимая студентом работа* или **употребимое лингвистами выражение*. Но в разговорной речи вполне возможен следующий диалог: "Ну, это, безусловно, выполняемая работа. - Кем выполняемая-то?"⁴.

Таким образом обнаруживается, что этот тип аномальных причастий в некоторой степени обладает все же всеми теми признаками, которыми обладают и "нормальные" причастия на *-мый*, то есть присоединение "творительного субъекта" и способность сочетаться с качественными наречиями. К вопросу страдательного значения мы вернемся позже, так как его кажется целесообразным рассматривать одновременно для всех форм в связи с вопросом о значении причастий на *-мый*.

3.2. Рядом с группой отперфективных причастий находится группа причастий, образованных от двувидовых глаголов.

"Первое из требований сразу исключает из числа трансформируемых пары фраз типа *[X]* и *[Y]*." (Ю.Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола)

"Вся [обозначает] глагол с частицей -ся, трансформируемый в простой глагол." (Ю.П. Апресян, Экспериментальное исследование...)

"...камень мудрецов, великая тайна алхимиков, образуемая соединением солнца - соли, суши - серы и влаги - Меркурия". (А. Мережковский, Леонардо да Винчи).

"Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей, под морозную пыль образуемых вновь надежд" (О. Манделштам, Памяти А. Белого)

В эту систему включены лишь регулярно образуемые и активно функционирующие формы. (А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин, Русский глагол).

Морфологически мы лишены возможности определить, относится ли такая форма на *-мый* к "аномальным", т.е. в данном случае, отперфективным, или к нормальным формам. (Глагол *образовать* в настоящее-будущем времени является двувидовым). Единственным критерием, остающимся в нашем распоряжении, является значение, которое в случае двувидовых глаголов можно определить, только опираясь на контекст. Следовательно, ни в каком случае нельзя пользоваться изолированными формами, а всякий раз нужно их рассматривать в контексте.

Принято считать, что формы на *-мый*, образованные от глаголов совершенного вида, обладают обобщенным значением (не)возможности, в то время, как формы, образованные от глаголов несовершенного вида, обладают страдательным значением. В случае форм на *-мый*, образованных от двувидовых глаголов, необходим дополнительный контекст, чтобы определять, каким именно значением наделена та или иная форма. В роли такого контекста может оказаться главным образом наречие, но может быть и "творительный деятеля" (впрочем, как, надеюсь, было показано выше, от него часто трудно отличить "инструмент", который может входить в число валентностей исходного глагола) или активное однородное причастие, как в последнем примере. Рассмотрю несколько видоизменений приведенных выше примеров: *"Первое из требований сразу исключает из числа трансформируемых пары фраз типа [X] и [Y]."* (значение непонятно) - ...из числа регулярно/успешно трансформируемых... (пассив) - из числа сплошь/вполне трансформируемых... (возможность).

"Вся [обозначает] глагол с частицей -ся, трансформируемый в простой глагол." (значение непонятно) -...последовательно трансформируемый...(пассив)-...легко/принципиально трансформируемый (возможность).

В эту систему включены лишь регулярно образуемые и активно функционирующие формы (пассив) - ...включены лишь регулярно

образуемые ...формы. (значение непонятно) - ...включены лишь принципиально/удачно образуемые ...формы (возможность).

Позже увидим, что неопределенность значения встречается и у причастий, образованных от одновидового глагола, причем как нормальные, так и аномальные в данном смысле формы обладают обоими значениями, просто в случае двувидовых глаголов это заметнее. Отмечу, что слова типа *трансформируемый, символизируемый, образуемый*, и даже, что менее очевидно, *казнимый*, в изолированном виде амбивалентны и не дают возможности однозначно утверждать их соотношенность с каким-либо видом, либо разделять их произвольно на "прилагательные" и "причастия".

4.0. Известно, что образование причастий на *-мый* ограничено морфологически (не говоря уже о том, что оно же ограничено и семантически, но это ограничение не является строгим: разные люди по-разному оценивают возможность той или иной формы). В случае отсутствия причастия на *-мый* язык использует форму причастия настоящего времени от глагола на *-ся*, так называемое "причастие на *-щийся*". Естественно, такая ситуация привела к тому, что то же причастие стало употребляться параллельно и в тех случаях, когда причастие на *-мый* допускается системой. Возникший параллелизм форм должен был привести к взаимовлиянию и изменениям значений. Много раз отмечался тот факт, что причастие на *-щийся* начало употребляться в страдательном значении, ранее ему не свойственном (см. часть 1). Можно поставить вопрос и так: в чем проявляется конкуренция форм и можно ли отметить для причастий на *-мый* влияние на них со стороны причастий на *-щийся*. Или по-другому: как проявляется взаимодействие в языке причастий на *-мый* и причастий на *-щийся* и являются ли они полностью синонимичными даже в том случае, когда возможны оба?

4.1. До сих пор мы обращали преимущественное внимание на морфологию форм. Вместе с тем, проблему "двувидовых" причастий, которые объединяют нормальные формы с отперфективными причастиями на *-мый*, можно решать только с учетом значения. Обращение к значению форм необходимо и тогда, когда мы хотим решить вопрос об их синонимичности или взаимозаменяемости. В последнее время все чаще встречаются суждения о неразрывной связи тех вопросов, которые раньше считались формально-грамматическими, с областью значений. В качестве примеров можно привести статьи А.К.Поливановой [Поливанова,1985:209-223] о проблеме вида; Л.Л.

Иомдина [Иомдин, 1988:19-28] о страдательном залоге; А. Шенкера [Schenker, 1986:27-41] о рефлексивных глаголах. Давно известно, что выражение страдательного значения при помощи причастия на *-щийся* тоже требует подкрепления лексическими средствами. Известно высказывание по этому поводу А.М. Пешковского: "Но конкуренты эти (причастия на *-мый* и причастия на *-щийся*) далеко не равны по силам. Они относятся друг к другу как специалист к дилетанту или как вкусовой уникум к суррогату. В самом деле, ведь форма на *-ся* лишь по нужде и лишь с большим трудом приобретает страдательное значение. Только сопровождающий эту форму творительный падеж действующего лица или острая потребность в нем заставляют понимать ее страдательно" [Пешковский, 1956:123]. Для иллюстрации того же положения вспомним знаменитый пример Р. Якобсона "Девушки, продающиеся за кусок хлеба" и комментарий к этому примеру в статье Л. Дюровича [Дюрович, 1974:10]. Вспомним, что при обсуждении аномальных форм на *-мый* нам тоже приходилось прибегать к контексту. Все это заставляет обратить больше внимания на контекстное употребление интересующих нас форм.

Для сопоставления однокоренных причастий на *-мый* и на *-щийся* приходится обратиться к области значений этих грамматических форм. Общая часть значений исследуемых слов должна быть шире грамматической (при анализе мы вынуждены апеллировать к значению контекста, учитывать одушевленность или персонифицированность деятеля, например); с другой стороны, пользуясь каждый раз лексическим значением каждого конкретного слова, можно упустить то общее, что объединяет разрозненные примеры. Уже из сказанного следует, что интересующее нас явление выходит за грамматические рамки. Каждый раз мы имеем дело не с грамматической категорией, а со словом, употребленным в определенной функции. Это лишает возможности использовать какой-либо универсальный экспериментальный контекст, который бы позволял подставлять одну за другой проверяемые формы, как это делается для анализа грамматической категории. Естественным методом проверки заменяемости слова является перефразировка. Она же позволяет определить, с каким значением в данном случае приходится иметь дело. Здесь возникает несколько проблем. Можно ли перестроить фразу, изменив в ней только одно слово? При этом интересна не только и не столько морфология. Примем, что мы имеем право, меняя одну морфологическую форму на другую, менять и морфологический облик связанных с ней слов так, чтобы сохранить согласование. Но вопрос стоит сложнее: можно ли менять словарный состав фразы - добавлять, убирать или

заменять отдельные слова, с тем, чтобы фраза стала приемлемой? Такой прием нередко применяется в тех случаях, когда предметом изучения является слово, а не грамматическая категория. Между тем он не кажется правомерным и, по крайней мере, стоит предварительно определить правила, по которым должна проводиться перестройка фразы. Будем каждый раз работать с парой фраз и не будем изменять контекст при замене причастия на однокоренное. При переходе к следующей паре причастий контекст будет меняться. Кроме того, примем, что синтаксическая структура контекста при переходе от одной пары к другой должна оставаться по возможности неизменной. Можно ввести понятие подобной структуры. Это означает, что синтаксические позиции при переходе от одной пары к другой должны оставаться неизменными, можно менять лишь их лексическую реализацию. Поскольку я стремлюсь иметь дело только с живыми, взятыми из текстов примерами, этот принцип трудно соблюдать во всей полноте. Поэтому бывает нужно в некоторых случаях живые примеры видоизменить. Определяю также важные синтаксические позиции (т.е. такие, которые нельзя опускать, подставлять и заменять) и факультативные. Например, важными позициями являются качественное обстоятельство, субъект, предикат и творительный деятеля; факультативны определения. Важность наречия - качественного обстоятельства установилась экспериментально. Было замечено, что появление такого обстоятельства видоизменяет значение возвратной формы глагола в очень важном для данной темы направлении.

4.2. Более простым считается вопрос об обобщенном значении причастия на *-мый*. Обычно говорят о двух значениях: страдательном и "значении возможности (невозможности) действия, названного данной формой". Кроме того, обычно считается, что второе значение присуще аномальным формам, которые признаются отглагольными прилагательными. Тут можно задать несколько вопросов: во-первых, есть ли причины, вызвавшие именно это значение и, во-вторых, верно ли, что значение "(не)возможности" присуще только аномальным формам, и, если да, то почему им. Если верно предположение, которое мы выдвинули ранее, что аномальные формы не являются прилагательными, схожими с нормальными причастиями лишь внешне, а обладают теми же свойствами, что и нормальные причастия, но в ослабленном виде, значит, похожую картину мы должны наблюдать и в значениях. Иными словами, должна существовать взаимосвязь между этими двумя значениями, и должно наблюдаться постепенное нарастание силы одних и тех же компонентов в значениях.

Довольно легко можно доказать, что значение "(не)возможности" не является свойственным исключительно аномальным формам, им обладают и нормальные причастия на -мый. Для этого достаточно простых примеров.

Запишем приводимые к общему знаменателю дроби.

Наблюдаемые результаты оказываются разными.

Заметим устранение неоднозначности, приписываемое чередованию пар.

Объектом исследования является предикативный минимум, распространенный за счет ресурсов словосочетания.

Факты не подтверждают приписываемой некоторым из этих глаголов способности обозначать "всякое действие". (Последние три примера из кн.: Ю.Д. Апресян, Экспериментальное исследование...)

Без дополнительных сведений даже в приведенных контекстах нет возможности определить, каким именно из вариантов значения обладают выделенные формы. Перефразировав приведенные примеры, преобразовав причастие, посмотрим, какой результат при этом получится. Каждое предложение допускает две перефразировки.

1а) *Запишем дроби, которые можно привести к общему знаменателю.*

1б) *Запишем дроби, которые мы приводим к общему знаменателю.*

2а) *Оказываются разными результаты, которые можно наблюдать.*

2б) *Оказываются разными результаты, которые мы наблюдаем.*

3а) *Заметим устранение неоднозначности, которое можно приписать чередованию пар.*

3б) *Заметим устранение неоднозначности, которое мы приписываем чередованию пар.*

4а) *Объектом исследования является предикативный минимум, который можно распространить за счет ресурсов словосочетания. и т.д.*

Замечу, что вариант б) каждого из этих примеров содержит так называемое "научное мы" или пустой субъект, стилистический прием для выражения безличного пассива, т.е. такой формы, где грамматически субъект присутствует, однако он лишен семантического (смыслового) содержания. Сделав следующий шаг, можно снова объединить два варианта в один, причем сохранится двойственность значения, но появится возвратная форма глагола.

Запишем дроби, которые приводятся к общему знаменателю.

Результаты, которые наблюдаются, оказываются разными.

Заметим устранение неоднозначности, которое приписывается чередованию пар. и т.д.

Проверим, есть ли возможность объединения вариантов а) и б) без использования возвратной формы, так как в этой статье я умышленно не хочу входить в детали значений глаголов на -ся. Это отдельная

сложная тема, по ней существует обширнейшая литература, и здесь ее предполагается затронуть только в самой поверхностной степени. Оказывается, амбивалентностью интересующего нас типа обладают причастие на *-мый* либо возвратная форма глагола. Именно поэтому мы и можем в данном случае сделать еще один шаг, заменив финитную форму глагола причастием. Итак, перед нами безличный пассив (в указанном выше понимании), который можно разложить на два связанных значения: при подчеркивании процессуальности или актуальности действия мы получаем пассивное значение, при невыраженной процессуальности действия остается значение возможности, не связанной с представлением о совершающемся в данный момент действии⁵.

С наблюдением, касающимся значения безличного пассива можно сопоставить замечания о стативном или статальном залоге [Булачин, 1978:197-202; Стрельцова, 1978:213-220]. Под стативным залогом подразумевается грамматическая форма, внешне сходная с аналитическим пассивом, но обладающая признаком непроцессуальности. "Значение возможности" в нашем случае наделено этим признаком. Это безличный пассив, не обладающий значением актуальности. Известно, что глаголы несовершенного вида в русском языке обладают невыраженной актуальностью, которая может быть подчеркнута с помощью лексических средств. Следовательно, являясь производным от глагола несовершенного вида, любое причастие на *-мый* должно обладать тем же признаком - невыраженной актуальностью [Г-70:318]. Для выражения актуальности требуются определенные лексические условия. Следовательно, значение "возможности действия" потенциально содержится в природе причастия на *-мый* (сочетание граммем "несовершенный вид" и "пассив"/"статальность") и может быть актуализовано с помощью средств контекста. Оставаясь неактуализованным, оно тем не менее не исчезает и входит в значение причастия в качестве одного из компонентов. Актуализация же значения процессуальности выделяет пассивность и затеняет значение возможности. Таким образом становится ясно, почему именно инвариантное значение возможности оказалось свойственным всем причастиям на *-мый*. Это значение заложено в природе глагола несовершенного вида и связано с потенциально существующим, но не выраженным значением актуальности действия. В том случае, когда не подчеркнут специально процесс совершения действия (а русский язык не располагает грамматическими средствами для выражения процесса, следо-

вательно, необходимо использование лексических средств), оно мыслится как потенциально возможное.

4.3. Вернувшись к отнепереходным причастиям на *-мый*, посмотрим на них с этой точки зрения. Мы увидим, что самой "непроцессуальной" группой являются причастия на *-мый*, образованные от "абсолютно непереходных" глаголов, то есть глаголов, не имеющих управления. Значение возможности оказалось им присущим в силу двух, выделенных выше, причин: отсутствия производителя действия и отсутствия выраженного процесса (см. семантический анализ глаголов, ч. 2).

В случае причастий, соотносимых с глаголами, управляющими каким-либо другим падежом, кроме винительного, безличность и процессуальность играют примерно такую же роль, как и в случае нормальных причастий на *-мый*. Как мы уже показали, для значения пассива важен оказывается не формальный признак переходности (управление винительным падежом без предлога), а отношение к субъекту и семантика конкретного глагола. Выраженная процессуальность достигается с помощью тех же средств, что и у переходных глаголов несовершенного вида, так как видовое значение у них общее. Сравним: *Это очень хорошая, управляемая по радио модель.* - *Это очень хорошая, в настоящий момент управляемая по радио, модель.*

Остался открытым вопрос, почему традиционно значение возможности оказалось связанным с причастиями, образованными от глаголов совершенного вида. По наблюдениям над стативным залогом, сделанным в статье Л.Л. Буланина (сейчас мы не будем обсуждать термины, меня интересуют только закономерности появления конкретного значения в конкретной грамматической структуре), значением стативности, то есть постоянности, непроцессуальности признака обладают отимперфективные страдательные причастия прошедшего времени. Следовательно, если искать причину постоянности признака в видовом значении, то в случае страдательных причастий настоящего времени (которые нормально образуются от глаголов несовершенного вида) носителями статива должны оказаться "нормальные", отимперфективные формы, чего как раз и не наблюдается.

После всего сказанного возникает вопрос: верно ли, что формы на *-мый*, связанные по образованию с глаголами совершенного вида, являются практически прилагательными с инвариантным значением возможности, лишенными причастных свойств? Выше мы видели, что грамматически они наделены (в ослабленной степени) теми же свойствами, что и нормальные причастия. Оказывается, в сфере

значения тоже можно наблюдать общность между этими типами причастий. Рассмотрим несколько примеров:

1а) *Может быть, простота - уязвимая смертью болезнь.* (О. Мандельштам, Памяти А. Белого).

2а) *Авторитет Арчибальда Арчибальдовича был вещью серьезно ощущимой в ресторане, которым он заведовал.* (М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита).

3а) *Факультативной называется позиция, сократимая при том же условии.* (Ю.Д. Апресян, Экспериментальное исследование...)

4а) *Но я должен предупредить, что это чрезвычайно трудно выполнимый замысел.* (М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита; пример видеоизменен).

Перефразируя эти предложения так, чтобы получить на месте причастия финитную форму, получаем интересный результат, а именно: во всех приведенных примерах коявляется либо возвратная форма глагола, либо безличный пассив. Исключение до определенной степени составляет только первый пример, где есть "творительный субъекта", к нему мы еще вернемся.

1б) *...болезнь, которая уязвляется смертью.*

1в) *...болезнь, которую уязвляет смерть.*

2б) *...был вещью, которая серьезно ощущалась в ресторане.*

2в) *...был вещью, которую серьезно ощущали в ресторане.*

3б) *...позиция, которая сокращается при том же условии.*

3в) *...позиция, которую сокращают при том же условии.*

4б) *...этот замысел чрезвычайно трудно выполняется.*

4в) *...этот замысел чрезвычайно трудно выполнить.*

Сразу становится заметно, что результаты перефразировки, сохраняя схожесть структуры, разнятся между собой, в то время как исходная форма все время грамматически одна и та же. Посмотрим, что объединяет, и что разделяет полученные фразы.

Первое, и то, что легче всего объяснить - это появление формы прошедшего времени в вариантах 2б) и 2в). Второе: возвратная форма глагола, возникшая из причастия относится во всех случаях к несовершенному виду, несмотря на то, что причастие было отперфективным. Вряд ли это можно считать случайностью. Третье: в попытке получить финитную невозвратную форму глагола одинаковыми оказались результаты в) 2 и 3, где появляется так называемое неопределенно-личное предложение. Четвертое: в варианте 1в) появляется из бывшего творительного "субъект". Возможно, что существование в данной позиции "творительного деятеля", переходящего после перефразировки в субъект высказывания (эта структура при причастии

данного типа вообще-то не типична - см. выше, примечание 5), можно объяснить неперсональностью субъекта (срв. замечание А.В. Исаченко о способности подобных форм принимать в качестве субъекта действия существительное, не обозначающее лицо (личное местоимение: [Исаченко, 1960:360,362], "неопределенный коллектив" (Исаченко цитирует Шахматова: [Исаченко, 1960:361])); можно вспомнить и то, что многие глаголы, от которых образуются "аномальные" формы, имеют в числе своих валентностей "инструмент". Наличие в данной позиции одушевленного существительного практически невозможно (исключение обычно делается лишь для личных местоимений). Здесь же мы имеем "инструмент", не производящий действие лично. Полученный в данном случае результат можно сравнить с семантическим разбором в ч. 2. Возможно, правильная перефразировка (или иной уровень глубины) включала бы оборот типа *с помощью* или *посредством*.

Можно заключить, что во всех рассмотренных случаях общим для перефразированных предложений является использование безличного пассива, реализованного синтаксически однотипно - при помощи возвратной личной формы глагола, который при попытке избавиться от возвратной формы получает синтаксически разнящиеся реализации. На примере этих фраз мы можем отметить несколько свойств причастий на *-мый*, важных для характеристики этой глагольной формы. Во-первых, вневременной характер этой формы⁶. Во-вторых, то, что будучи использованы в позиции, диагностической для причастия (употребление вместе с качественным наречием или творительным субъекта) отперфективные причастия при перефразировке в предложение, содержащее глагол в финитной форме, трансформируются в финитную форму глагола несовершенного вида, либо глагол СВ со словами "можно", "нельзя". Этот факт еще требует своего объяснения, здесь можно лишь вспомнить о нерешенной проблеме видового взаимоотношения.

Для сравнения можно вспомнить аналогичную ситуацию, складывающуюся при перефразировке отдельных форм на *-ся*, которые при попытке получить невозвратную форму глагола и именно со значением возможности (или невозможности) действия переходят в глагол совершенного вида. Это наблюдение сделано Н.А. Янко-Триницкой: "К глаголам страдательного значения с оттенком возможности - невозможности обычно не бывает синонимичных действительных оборотов в виде неопределенно-личных или определенно-личных конструкций, однако этот оттенок легко передается инфинитивом переходного глагола с присоединением слов, лексически указывающих на возмож-

ность или невозможность произведения данного действия. Следует заметить, что парафразы с инфинитивом во многих случаях заключают в себе... родственный глагол совершенного вида" (Янко-Триницкая, 1962:117).

Итак, мы увидели, что значение пассива, правда, в особой его разновидности - с семантически пустым субъектом, с субъектом, выраженным не-лицом или же с отсутствием лексически выраженного субъекта, свойственно аномальным отперфективным формам так же, как и нормальным, правда, у аномальных форм встречается реже. Во всех этих случаях действие представляется как бы происходящим само собой. Это значение не очень часто встречается у аномальных форм, но оно бывает, и является практически единственной возможной у них разновидностью пассивного значения. Решающим для появления пассивного значения (хотя бы только в невыраженном виде) является наличие компонента процессуальности, что косвенно подтверждается появлением финитной формы НСВ при перефразировке. При оттенке возможности появляется инфинитив глагола СВ.

5.0. Именно в данной точке - появление возвратной формы глагола при перефразировке безличных конструкций - кажется наиболее важным исследовать взаимозаменяемость причастий на *-мый* с причастиями на *-щийся*. Последним свойственно более размытое значение, при этом поразительно расходятся мнения обращающихся к этой проблеме: часть исследователей, выделяя разные значения частицы *-ся*, сходится на том, что пассивное значение причастий на *-щийся* должно быть подкреплено наличием "творительного субъекта". Для подтверждения этого замечания достаточно привести такие высказывания: "Характерно, что в подавляющем большинстве случаев причастия, как и глаголы, обладающие частицей *-ся* с страдательным значением, употребляются с существительными в творительном падеже без предлога, обозначающими реального производителя действия" [Калакуцкая, 1971:90-91]. "Творительный падеж со значением содействующего объекта настолько типичен для страдательных глаголов, что некоторые ученые связывали возвратное страдательное значение с неперменным наличием при глаголе такового дополнения в творительном падеже" [Янко-Триницкая, 1962:91]. Существуют, впрочем, и другие мнения относительно возможностей употребления "творительного субъекта" при глаголах на *-ся*. Например, в [Paillard, 1979:92-94] указывается на невозможность употребления "творительного субъекта" при глаголах СВ прошедшего времени на *-ся* ("**Дверь закрылась Иваном*"). В [Weiss, 1995] особо исследуются причастия и

отмечается затруднительность или невозможность "творительного деятеля" при причастиях на *-щийся*. Понаблюдав над поведением причастий на *-щийся*, можно заключить, что при них скорее нежелательно использование "деятеля", т.к. действие представляется происходящим само собой, без выраженного производителя. Очевидное противоречие, вероятно, можно примирить сопоставлением с рассмотренной ситуацией в причастиях на *-мый*, где в действительности наблюдаются различные оттенки значения, связанные с лексическим и грамматическим значением производящего глагола. Для сопоставления причастий на *-щийся* с причастиями на *-мый* кажется наиболее интересной точка зрения А. Шенкера на рефлексивные глаголы [Schenker, 1986:27-41]. В самом деле, значение рефлексивной формы может быть понято только в контексте (сравним с вышеприведенными формами на *-мый*, когда выяснение значения оказалось возможно только при наличии достаточно широкого контекста. Того контекста, что содержался в выписанном предложении, не хватало). Для характеристики рефлексивных форм важно знание об объекте и субъекте действия (одушевленность, персонифицированность субъекта/объекта), а также о производящем глаголе. В подтверждение этого мнения можно привести такое замечание: If Harrison ... is correct in claiming that "*Okno moetsja* by itself sounds absurd" it is not only because with an animate subject one expects passive meaning but also because it is difficult to find a context in which a window would be characterized by the sole action of being washed. The addition of a demonstrative pronoun and of an adverb (*Eto okno legko moetsja*) provides the verb with the necessary context... [Schenker, 1986:37] (выделено мной - Ю.К.) Замечу, что подобные знания необходимы и для характеристики причастных форм на *-мый*. Но задача аккуратного сопоставления обеих форм уже предназначена для другой работы; данная статья не претендует на столь широкий охват.

6.0. Подведу итоги: причастия на *-мый* не являются однородной группой. При работе с этими формами в современном русском языке необходимо рассматривать несколько групп, которые выделяются в зависимости от характера производящего глагола. Таким образом, можно выделить м-причастия, соотносимые с глаголами с нулевым управлением (собственно непереходные); соотносимые с глаголами, управляющими косвенными падежами; отперфективные (включая связанные с двувидовыми глаголами) и "нормальные", т.е. те, которые традиционно понимаются под именем "причастия на *-мый*". Данные группы не имеют резких отличий одна от другой ни в области их значений, ни в области грамматических характеристик. С формальной

точки зрения, эти группы характеризуются различной способностью к контекстным сочетаниям, причем для каждой группы можно выделить свой набор сочетаемостей. С точки зрения обобщенного значения формы можно говорить о значениях "возможности" и "страдательности". Выдвигается предположение, что для ряда форм, называемых в данной работе "аномальными", характерно общее значение безличного пассива, которое объединяет оба значения. Это значение (безличного пассива) присутствует и у "нормальных" форм. Оно может быть актуализовано при помощи контекстуальных средств (к числу важных средств относится наречие) как собственно пассив, либо как принципиальная возможность совершения действия. Для актуализации значения пассива важно подчеркивание актуальности действия, этому способствует сочетание с наречиями времени определенного типа. Для возможности - сочетание с наречиями качества действия. Присоединение "творительного субъекта" в ряде случаев тоже способствует актуализации значения "страдательности", но при этом важны семантические характеристики "субъекта".

Примечания

1. Об отличии или, во всяком случае, безусловной связанности пассивной трансформации с переходностью глагола см. также [Адамец, 1973:100-102], где отмечается, что переходность в строгом смысле не является ни необходимым, ни достаточным требованием для осуществления пассивной трансформации. Требование перехода действия на предмет В→С является необходимым. Для получения свойства достаточности, видимо, нужно использовать семантику слов, как это делается сейчас в искусственных моделях, занятых формальными описаниями языка.
2. К необходимости отделять понятие переходности от способности глагола к образованию пассива часто приходят исследователи, занимающиеся проблемами автоматического перевода, а следовательно, формализации языковых правил (ср. [Иомдин, 1988:19-20] и [Киселев и др., 1989]).
3. "незавидуемый" - не бывает, зато в том же значении и с теми же замечаниями, что "неподражаемый" существует "незавидный" (так же, как и "подражаемый" "завидный" может уточняться, а "незавидный" обозначает состояние абсолютное).

4. Редко, но встречается все же и прямое использование "творительного субъекта", ср. *"Может быть, простота - уязвимая смертью болезнь?"* (О. Мандельштам, Памяти А. Белого) или *"Был всеми ощущим физически спокойный голос чей-то рядом"* (Б. Пастернак, Август). Последний пример содержит краткую форму в предикативном употреблении, которые мы в самом начале договорились не рассматривать, но мне кажется возможным все же привести его в качестве иллюстрации использования "аномальных" форм с творительным субъекта, тем более, что такое использование все же является редкостью. Местоимения в роли "творительного субъекта" могут встречаться и при адъективном употреблении, например: *"Это был порыв, ничем не удержимый"* (К. Леонтьев, цит. по кн. О России и русской философской культуре); *"Кипучая, могучая, никем не побеждаемая"* (известная песня о Москве, к сожалению, не могу вспомнить автора слов).
5. Отдельного рассмотрения заслуживает внезапное появление финитной формы глагола СВ при перефразировке. Это явление было отмечено Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 1962:117] при наблюдениях над возвратными глаголами, но объяснения не получило. С моей точки зрения, взаимозаменяемость видовых форм глагола при перефразировках определенного типа не случайна (ниже мы еще раз встретимся с этим явлением при работе с причастиями на *-щийся*) и должна иметь какие-то глубинные причины. Попытка объяснения этого явления будет дана позже, но это всего лишь догадка, а не теоретическое обоснование наблюдаемого явления.
6. Сравнить со сделанным Л. Дюровичем аналогичным наблюдением для деелпричастий на *-а* [Дюрович, 1974:5]; Л.П. Калакуцкая делает такое же замечание относительно причастий на *-щий* [Калакуцкая, 1971:60]. Повидимому, безотносительность ко времени является свойством, общим для всех нефинитных форм, образованных от настоящего времени НСВ глагола.

Библиография

- Адамец, П. 1973. *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка*, I, Praha.
- Буланин, Л.Л. 1978, К соотношению пассива и статива в русском языке, *Проблемы теории грамматического залога*, Ленинград, стр.197-202.
- Виноградов, В.В. 1983, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва.
- Г-70 - *Грамматика современного русского языка*, Москва, 1970.
- ГС - Зализняк, А.А. 1970, *Грамматический словарь русского языка*, Москва.
- Дюрович, Л. 1974, Система причастных и деепричастных форм современного русского литературного языка, *RL*, 1, стр. 3-14.
- Иомдин, Л.Л. 1988, Инфинитивные и нулевые подлежащие в русских страдательных конструкциях, *Вопросы кибернетики. Проблемы разработки формальной модели языка*, Москва, стр. 19-28.
- Исаченко, А.В. 1960, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*, II, Братислава.
- Киселев, А.Н., Куксина, Ю.Г., Щербинин, В.И. 1989, Семантико-синтаксический трансфер в СМП СПРИНТ-А, *Международный семинар по машинному переводу "ЭВМ и перевод-89", тезисы докладов*, Москва.
- Калакуцкая, Л.П. 1971, *Адъективация причастий в современном русском литературном языке*, Москва.
- Ломтев, Т.П. 1956, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва, §§ 82-86.
- Никифоров, С. В. 1952, *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва.
- Пешковский, А.М. 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва, стр. 111-130.

- Поливанова, А.К. 1985, Выбор видовых форм глагола, *RL*, 9, стр. 209-223.
- СлРЯ XI-XVII- Словарь русского языка XI-XVIIв., 1975-19..., Москва.
- СРЯ XVIII - Словарь русского языка XVIIIв., 1984-19..., Ленинград.
- ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка, 1948-1965, Москва-Ленинград.
- Стрельцова, М.И. 1978, О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на -м-, -н-, -т- в древнерусском языке, *Проблемы теории грамматического залога*, Ленинград, стр. 213-220.
- Ушаков - Толковый словарь русского языка, 1933-1940, Москва.
- Янко-Триницкая, Н.А. 1962, *Возвратные глаголы в современном русском языке*, Москва.
- Daum, E., Schenk, W. 1988, *Die russischen Verben*, VEB Verlag Enzyklopädie, Leipzig.
- Forsyth, J. 1970, *A Grammar of Aspect*, Cambridge.
- Paillard, D. 1976, *Voix et aspect en russe contemporain*, Paris.
- Schenker, A. 1986, On the reflexive verbs in Russian, *IJSLP*, v. 33, p.27-41.
- Stender-Petersen, A. 1937, Das russische Participium praeteritum passivum von imperfektiven Verben, *Acta Jutlandica*, IX, Aarhus, p. 397-405.
- Weiss, D. 1995, Russian Converbs: a Typological Outline. In: M. Haspelmath, W. König (eds.), *Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms - Adverbial Participles, Gerunds*, Berlin - New York, 245-272.